

Му Чэнгуан воспринимал всё как должное, да и Шуай Чана мало волновали эти мелочи. Бросив взгляд на экран, где герои всё ещё целовались, он не удержался от реплики:

— Разве это не фильм ужасов? Он идет всего полтора часа, а главные герои целуются уже почти двадцать минут.

— Я сейчас перемотаю, попробую, — виновато отвел глаза Му Чэнгуан и нажал кнопку перемотки.

В результате, поддавшись парению, Му Чэнгуан переборщил с перемоткой, и видео сразу перескочило на отметку в пятьдесят минут. Два парня в кадре были абсолютно голыми, сплетаясь в тесных объятиях и издавая двусмысленные стоны.

— Ай! Что это такое?! — Му Чэнгуан швырнул пульт и закрыл лицо руками.

Шуай Чан остолбенел.

— И это тот фильм ужасов, который прислал тебе Янь Цинхэ?

Это же чистой воды гей-порно!

Что за друзья у Му Чэнгуана, раз они могут пересылать друг другу такое? Шуай Чан решил, что ему просто необходимо как следует поговорить с Му Чэнгуаном.

Шуай Чан поднял пульт и вышел из режима воспроизведения. Двусмысленные стоны смолкли. Му Чэнгуан медленно опустил руки, его лицо пылало от стыда, а сердце бешено колотилось.

Шуай Чан встал:

— Чэнгуан, давай поговорим.

Шуай Чан всегда воспитывал Му Чэнгуана как собственного сына. Теперь же, когда ребенок сбился с пути и под влиянием друзей смотрит подобные вещи, Шуай Чан чувствовал свою ответственность за то, чтобы привить ему правильные жизненные ценности.

Понуриив голову, Му Чэнгуан послушно последовал за Шуай Чаном в кабинет.

Шуай Чан сел, а Му Чэнгуан застыл перед ним, заложив руки за спину.

— Идеи Тройного представительства помнишь? Восемь принципов чести и позора заучил? Что думаешь о китайской мечте?

Му Чэнгуан:

— ...А?

О чём говорит учитель Нань? Почему он не понимает ни слова?

В итоге из-за своего невежества Му Чэнгуан поплатился самым жестоким образом: Шуай Чан отчитывал его по всем трём пунктам целую ночь напролёт. Му Чэнгуан изо всех сил таращил глаза, не смея расслабиться ни на секунду, в душе обливаясь кровавыми слезами — откуда он мог знать, что Янь Цинхэ пришлет ему такую гадость? Т^Т

В шесть часов утра Шуай Чан принялся за работу и отпустил Му Чэнгуана в спальню досыпать.

Смертельно уставший Му Чэнгуан едва коснулся подушки и тут же провалился в сон. Неизвестно, сколько прошло времени, прежде чем его раздал телефонный звонок. Взглянув на часы — было всего десять утра, — он раздраженно ответил:

— Есть дело — говори, а если нечего сказать, не мешай мне досыпать, спасибо!

— Чэнгуан, это я, Янь Цинхэ. Вчера всё получилось? — на другом конце провода слышалось сдерживаемое волнение.

— Товарищ Янь Цинхэ, государство учит нас стыдиться стремления к роскоши и праздности. Мы должны отвергать роскошь, праздность, а также разврат, азартные игры и наркотики, — выпалил Му Чэнгуан, сбросил вызов и рухнул обратно на кровать досматривать сон.

— Ну что? Что сказал Чэнгуан? — взволнованно спросил Лю Чжи.

Цянь Сян тоже проявил огромный интерес.

Ни один из них троих прошлым вечером не поехал домой. Они сидели в отдельном кабинете все вместе и ждали новостей до самого утра, желая узнать самыми первыми, выгорело ли у Му Чэнгуана дело прошлой ночью.

Янь Цинхэ вертел в руках телефон, не зная, как ответить:

— ...Чэнгуан не сказал прямо, но мне кажется, должно было получиться.

— Чэнгуан отсыпается, к тому же он заявил мне, мол, стыдно предаваться роскоши и

праздности. Разве не потому, что вчера он провел время слишком праздтно, ему теперь нужно наверстывать сон?

— Цинхэ прав! — хлопнул себя по колену Лю Чжи. — Завтра позовем Чэнгуана прогуляться, отпразднуем, что он распрощался с невинностью, ха-ха!

Разумеется, на следующий день Му Чэнгуан ни на какую встречу не пошел. И не только потому, что ему было стыдно после целой ночи нравоучений, но и потому, что Шуай Чан пришел в ярость из-за того, что Янь Цинхэ подбил Му Чэнгуана на подобное, и настрого запретил ему водиться с этой компанией.

Шуай Чан понимал, что у молодежи развит дух противоречия, поэтому не стал напрямую заявлять, дескать, прекрати общаться с Янь Цинхэ и остальными. Вместо этого он, выступая в роли старшего, принялся мягко, но настойчиво вразумлять парня:

— Ты сейчас молод, жизненного опыта мало, чуть что — и кто-нибудь собьет тебя с пути, уведя по наклонной. Раз в прошлом я был твоим учителем, то должен нести ответственность до конца. Я действительно не хочу смотреть, как ты бездарно тратишь время. Разве ты сейчас не работаешь начальником отдела в филиале? Старайся изо всех сил. Если чего-то не понимаешь — я во всем помогу, давай постараемся в следующем году получить повышение и перейти в головной офис.

Глядя на вдохновляющий и полный доверия взгляд Шуай Чана, Му Чэнгуан почувствовал, как кровь забурлила в жилах:

— Учитель Нань, не переживайте, я теперь обязательно буду усердно работать, мы вместе справимся!

Если он закрепится в головном офисе... торговый центр — это поле боя, и если в будущем у Шуай Чана возникнут какие-то трудности, он сможет протянуть руку помощи.

Уж если Му Чэнгуан решил стараться, он никогда не бросал слов на ветер: теперь он приходил на работу вовремя, больше не опаздывал и не уходил раньше срока. На все попытки Янь Цинхэ и остальных куда-нибудь вытащить его Му Чэнгуан отвечал отказом, ссылаясь на занятость на службе. Поначалу те думали, что это Нань Юй строит козни за кулисами, но, проверив информацию, выяснили, что Му Чэнгуан и впрямь всерьез взялся за работу.

Поскольку мешать другу продвигаться по карьерной лестнице было никак нельзя, троица наконец уgomонилась.

Два месяца спустя Шуай Чан положил в руки Му Чэнгуану банковскую карту:

— Здесь сумма с учетом процентов. Сегодня вечером веду тебя в хороший ресторан.

— Вау! — Му Чэнгуан был готов взлететь от счастья.

С тех пор как Шуай Чан занялся инвестициями в акции и стал серьезно относиться к делу, они давным-давно не выбирались куда-либо на свидания.

Сегодня на работе у Му Чэнгуана выдался спокойный день, так что он ушел вовремя, но никак не ожидал, что по возвращении домой его ждет столь прекрасная новость.

— Учитель Нань, сколько же вы заработали за эти два месяца? — спросил Му Чэнгуан, параллельно доставая телефон, чтобы проверить баланс: при пополнении карты всегда приходило SMS-уведомление.

[Агробанк Китая] На ваш счет с номером, заканчивающимся на 6666, 03 сентября в 17:40 был зачислен перевод на сумму 3 100 000,00 юаней. Баланс: 3 100 520 юаней.

— Откуда столько денег?! — Му Чэнгуан удивленно поднял голову, его глаза округлились, а губы слегка приоткрылись.

Раньше на его карте крутилось около двух миллионов, но прошло всего два месяца, а теперь там больше трех миллионов!

Такая окупаемость инвестиций просто зашкаливала!

— Учитель Нань, вы что, перевели мне всю сумму заработка целиком?

Шуай Чан чуть заметно улыбнулся, и в его глазах заплескали мягкие волны:

— Сто тысяч — это проценты, а миллион — тебе на карманные расходы. Бери и трать в удовольствие.

Этот выпендрёж был безупречен и выглядел чертовски круто!

Му Чэнгуан же обожал именно такой стиль. Его сердце забилось в груди с предательской частотой, а во взгляде читалось почти переливающееся через край восхищение.

— Учитель Нань, миллион — это ведь только на карманные расходы! Вы не могли бы сказать, сколько всего вы заработали за эти два месяца?

— Деньги делают деньги, ну, где-то чуть больше десяти миллионов, — небрежно бросил Шуай Чан, словно десять с лишним миллионов были какой-то тысячей.

Му Чэнгуан остолбенел окончательно. Что за фокусы такие: за два месяца полтора миллиона превратились в десять с лишним! Их учителя Нань можно смело назвать гением инвестиций в чистом виде!

Вечером оба облачились в свои самые элегантные костюмы и в прекрасном расположении духа отправились ужинать.

Раз уж у Шуай Чана завелись деньги, он, конечно же, не собирался экономить и напрямую забронировал лучший пятизвездочный ресторан в городе.

Мчась по свободной дороге на серебристом Lamborghini, они припарковали машину, отдали ключи парковщику и рука об руку вошли в Фэнцзэ.

Шуай Чан был одет в ярко-черный костюм, его красивое лицо и мощная аура привлекали всеобщее внимание. Му Чэнгуан облачился в сшитый на заказ белый костюм, чей приталенный крой идеально подчеркивал его тонкую талию и округлые бедра.

Едва они переступили порог, как притянули к себе взгляды большинства присутствующих.

Уточнив, забронирован ли столик, официант проводил их к местам у окна, откуда открывался отличный вид на ночной Сюаньчэн.

Было всего около семи вечера, небо окрасилось в серо-синие тона, и на нем едва белел бледный серп луны.

Шуай Чан протянул меню Му Чэнгуану:

— Посмотри, что хочешь съесть.

Му Чэнгуан раскрыл буклет и сначала посоветовался с Шуай Чаном:

— Учитель Нань, у них очень хвалят стейк «Императрица», он невероятно нежный и хорошо пропитан специями.

— Тогда давай две порции.

— И вот это блюдо тоже неплохое.

— Тоже две порции.

...

Официант зафиксировал заказ:

— Желают ли господа какие-нибудь напитки?

— Эту бутылку Романе-Конти 2007 года, спасибо.

Сегодня Шуай Чан вывел концепцию богатого транжиры на абсолютный уровень: заказать к ужину одну только бутылку красного вина за сто двадцать тысяч юаней!

Му Чэнгуан был повержен им наповал.

Конечно, на его собственной карте лежало два миллиона, но эти деньги представляли собой скопленные за двадцать лет новогодние подарки. После того как ему исполнилось восемь лет, его отец Му Фэн больше не давал ему ни юаня на карманные расходы, и Му Чэнгуан продержался до сегодняшнего дня исключительно благодаря этим сбережениям.

По правде говоря, выделив Му Чэнгуану целый миллион на карманные расходы, Шуай Чан тронул его до глубины души. В Шуай Чане он обрел не только долгожданную взаимную любовь, но и отеческую заботу. С этого момента Шуай Чан окончательно вытеснил Му Фэна из его сердца.

Пусть Му Фэн не баловал его — у него есть учитель Нань!

В ушах звучала нежная, изысканная мелодия фортепиано, перед глазами сиял любимый человек — не было момента прекраснее этого.

Каждый раз, проглотив кусочек, Му Чэнгуан поднимал глаза и смотрел на Шуай Чана, словно проверяя, не спит ли он.

— Cheers, — Шуай Чан поднял бокал, легко чокнувшись с Му Чэнгуаном.

— Ты мной закусываешь? Почему ты всё время на меня смотришь? — Шуай Чан прекрасно видел всё поведение Му Чэнгуана.

Ни капли не смутившись, Му Чэнгуан с самым естественным видом выдал:

— Красота опьяняет! Мне достаточно просто смотреть на красивое лицо учителя Няня, чтобы уже наесться. Это и приятно, и для фигуры полезно. Вы вкуснее любого блюда на этом столе.

— ...Язык без костей, — Шуай Чан слегка покраснел от такой похвалы.

Мимо их столика как раз проходила пара — мужчина и женщина. Мужчина, сделав пару шагов вперед, тут же вернулся назад и остановился у их столика.

— Чэнгуан? Я только что проходил мимо и подумал, что это ты. Какими судьбами здесь?

Мужчина был одет в приталенный светло-серый костюм. Интеллигентный и утонченный, с легкой улыбкой на губах, он обладал глазами, которые на треть походили на глаза Му Чэнгуана и то и дело вспыхивали пронизательным блеском.

Му Чэнгуан выдал на лицо откровенно фальшивую улыбку:

— Второй брат, какая встреча. Я пришел поужинать.

Только теперь Шуай Чан понял, что этот мужчина — второй брат Му Чэнгуана, Му Байчунь.

— О? А это, позвольте узнать, чей спутник? — Му Байчунь внезапно перевел взгляд на Шуай Чана, а уголки его губ изогнулись еще сильнее, придавая лицу мягкое и дружелюбное выражение.

Зная, что Му Чэнгуан не рассказывал семье об их женитьбе, и видя, как у того от напряжения окаменело лицо, Шуай Чан поспешил вмешаться:

— Здравствуйте, господин Му. Меня зовут Нань Юй, я друг Чэнгуана.

— Вот как. Рад знакомству, господин Нань.

Му Байчунь протянул руку, и Шуай Чан, не меняя улыбки на лице, встал и пожал ее.

— Чэнгуан, у меня еще есть дела, так что вы с господином Нанем продолжайте трапезу. Господин Нань, надеюсь, еще свидимся.

Столик, заказанный Му Байчуном, располагался тоже у окна, но в самом дальнем конце зала, на изрядном удалении от них.

Проводив взглядом удаляющегося Му Байчуна, Шуай Чан сел и сказал Му Чэнгуану:

— Он ушел, нас не услышит.

Му Чэнгуан шумно выдохнул и похлопал себя по груди с видом человека, только что избежавшего гибели:

— Напугал до смерти! Я уже больше полугода не видел Му Байчуня, ну и день сегодня, невезучий.

Не зная, какие между братьями были разногласия, раз Му Чэнгуан отреагировал столь бурно, Шуай Чан поинтересовался:

— Ты его боишься? Он что, в детстве вечно тебя обижал?

Жалобно сморщившись, Му Чэнгуан кивнул:

— Они с моим старшим братом Му Сун Тао вечно задирались, а отец даже не вмешивался.

Взгляд Шуай Чана похолодел, застыв подобно ледяной глади озера, окутанной плотным туманом:

— Вы же братья! Они оба старше тебя на столько лет, как у них рука поднималась обижать ребенка?

— Ой, тут долгая история... — в ярких глазах Му Чэнгуана треснула тонкая нить боли. — Поехали домой, по дороге я тебе все подробно расскажу.

Шуай Чан позвал официанта и протянул ему карту:

— Сохраните красное вино, парочка шестерок.

— Хорошо, господин, одну минуту.

Официант с поклоном удалился.

Выйдя из Фэнцзэ, Шуай Чан только тогда вспомнил, что они оба пили красное вино и за руль садиться нельзя. К счастью, сервис в пятизвездочном ресторане был на высоте — клиентам бесплатно предоставляли услугу трезвого водителя.

С посторонним человеком в салоне Му Чэнгуану было неудобно разговаривать.

Устроившись на заднем сиденье, он положил правую руку Шуай Чана себе на колени и стал мять и поглаживать ее своими маленькими ладошками, развлекаясь вовсю.

Шуай Чан бросил на него беспомощный взгляд и, видя, что тот снова повеселел, терпеливо снес это щекочущее баловство.

Вернувшись в жилой комплекс, Шуай Чан дал водителю чаевые, взял Му Чэнгуана за руку и они поднялись на лифте. С самого выхода из Фэнцзэ Му Чэнгуан так и не выпустил его руку из своей.

Едва они вошли в спальню и Шуай Чан собрался набрать ему ванну, Му Чэнгуан внезапно обнял его. Нежно погладив уткнувшуюся ему в грудь макушку, Шуай Чан произнес:

— Я знаю, на душе у тебя скребут кошки. Давай сначала ты примешь ванну, а после всё мне расскажешь, я с тобой побуду и отомщу за тебя.

Подумав, что сейчас тот похож на обиженного ребенка, который хочет лишь спрятаться и поплакаться в жилетку старшему, Шуай Чан не стал торопить его.

Спустя десять минут объятий Му Чэнгуан постепенно разжал руки. Его лицо покраснелось от нехватки воздуха, так как он слишком плотно прижался к груди Шуай Чана:

— Учитель Нань, искупайтесь со мной, пожалуйста?

Ему не хотелось оставаться одному.

Шуай Чан на секунду засомневался, но тут же подумал: Му Чэнгуан ведь ведет себя точь-в-точь как его собственный ребенок, а что такого в том, чтобы отец помог сыну искупаться?

— Хорошо, учитель Нань составит тебе компанию. Так что переставай грустить, ладно?

Не ожидав, что Шуай Чан согласится, Му Чэнгуан радостно кивнул:

— Раз вы со мной, я больше не грущу. К тому же теперь за моей спиной стоит учитель Нань, чего мне бояться?

Шуай Чан невольно усмехнулся и щелкнул его по носу:

— А ты уверен в моих силах, я смотрю.

Набрав воду, Шуай Чан велел Му Чэнгуану идти вперед, а сам решил переодеться.

Ни о чем не подозревая, Му Чэнгуан вприпрыжку упорхнул в ванную.

Вообще-то после попадания в этот мир у Шуай Чана оставалась одна несбыточная мечта. В мире без Фань Лоцзя он был обречен прожить жизнь в одиночестве, поэтому подумывал усыновить ребенка и наблюдать, как тот растет от лепетанья до взрослой жизни — хотя бы не

зря бы он очутился в этой эпохе.

Он уже давно втайне прикупил гору игрушек, включая обязательную уточку для ванной. Поскольку у Му Чэнгуана выдалось скверное настроение, Шуай Чан решил достать уточку, чтобы хоть как-то его утешить.

Достав желтую уточку с самой верхней полки шкафа, Шуай Чан постучал в дверь ванной, откуда тут же донесся радостный голос Му Чэнгуана:

— Заходите, заходите же!

Шуай Чан толкнул дверь.

В ванной клубился легкий пар. Му Чэнгуан устроил в ванне целое море из пены, выстави наружу лишь лицо и расплываясь в широкой улыбке.

Заметив в его руке желтый предмет, Му Чэнгуан поинтересовался:

— Учитель Нань, а это что?

— Вот, уточка, — Шуай Чан поднес ее поближе, чтобы тот разглядел, а затем убрал.

— Это мне?

— Изначально планировалось дать ее тебе в компанию для купания, но раз ты сплошь в пене...

Окажись уточка в воде, ее бы тут же затянуло пузырями.

— Эх, как жаль, — на лице Му Чэнгуана промелькнуло разочарование. — В детстве мне никогда не давали с таким играть.

— Ничего страшного, — Шуай Чан откинул со лба влажные прядки, обнажая его гладкий, чистый лоб. — Ты же не раз в год моешься? Завтра и поиграешь.

Подумав, что учитель Нань абсолютно прав, Му Чэнгуан снова повеселел.

— А завтра ты тоже будешь купаться со мной? — его большие глаза заманчиво замигали.

Удар этой внезапной детской милоты парализовал сердце Шуай Чана, и он машинально кивнул.

— Есс!

Придя в себя, Шуай Чан потрепал себя по носу: кажется, его только что обвели вокруг пальца.

Впрочем, ощущение от того, что тебя вот так провели, было на удивление приятным.

Отложив уточку в сторону и закатывая рукава, Шуай Чан скомандовал:

— Закрывай глаза, я помою тебе голову.

Закончив с мытьем головы Му Чэнгуана, Шуай Чан захватил с собой уточку и вышел.

Смыв пену и благоухая свежестью, Му Чэнгуан в пижаме выпорхнул из ванной:

— Учитель Нань, теперь ваша очередь.

Зайдя внутрь, Шуай Чан мельком бросил взгляд на мелькнувший кусочек белого девичье... то есть стройного и бледного голенища Му Чэнгуана, и замер на месте.

— Учитель Нань?

Окликнутый Му Чэнгуаном, тот пришел в себя и покачал головой, пытаясь выгнать из головы всякую чепуху.

Пока он сам нежился в воде, поднимающийся от ванны пар то и дело складывался в образ того идеального подтянутого голенища. Это заставило Шуай Чана вспомнить ноги Фань Лоцзя — чем больше он размышлял об этом, тем сильнее находил ноги этих двоих удивительно похожими.

Шуай Чан: Духовный сгусток, скажи, возможно ли такое...

Духовный сгусток: Что? (Сердце бешено колотится: если красавчик спросит, стоит ли ему говорить правду?)

Горько усмехнувшись, Шуай Чан оборвал себя: Ничего, это у меня уже навязчивая идея.

Иначе с чего бы ему думать, что в разных эпохах можно встретить одного и того же человека.

Духовный сгусток мысленно с облегчением выдохнул.

Высушив волосы, они легли в постель бок о бок. Му Чэнгуан повернулся на бок, обнял Шуай Чана за руку и тихо произнес:

— Му Сун Тао и Му Байчунь — родные братья по отцу и матери. В отличие от них, я... на самом деле я внебрачный сын.

Моя мама была содержанкой моего отца. Не прошло и двух лет, как она родила меня, и в детстве я жил не в семье Му, а с мамой в другом городе. Позже законная жена отца заболела и умерла. Мама решила, что у нее появился шанс занять ее место, и привезла меня в Сюаньчэн на машине, чтобы разыскать отца. Только вот по дороге мы попали в аварию, и она закрыла меня собой... — голос Му Чэнгуана сорвался на плач. — Мне тогда было всего пять лет, я помню только много-много крови... Из-за того, что она связалась с женатым мужчиной, ее родители отrekliсь от нее, кормить меня было некому, и отцу пришлось забрать меня в дом Му. Но поскольку его жена родила ему двух прекрасных сыновей, я ему был совершенно не нужен.

Му Сун Тао и Му Байчунь никогда открыто не выказывали неприязни ко мне. Они просто исподтишка подталкивали меня то разбить отцовскую антикварную вазу, то порвать его любимую коллекционную картину. Отец и без того не испытывал ко мне никаких чувств, а раз я вечно всё порчу, он махнул на меня рукой. В школе у меня плохо соображала голова, учился я скверно, и домашняя прислуга за глаза смеялась наддо мной, сомневаясь, действительно ли я ребенок из семьи Му — ведь те же братья Му Байчуна всегда учились на отлично.

Теперь-то я понимаю: если бы они болтали за спиной так, чтобы я не слышал, я бы ничего не узнал. Значит, они делали это специально, издеваясь над тем, что я мал и за меня некому заступиться. В день моего восемнадцатого совершеннолетия я напился и заснул за диваном, а проснувшись, услышал, как Му Байчунь хвалит слуг за то, как хорошо они справлялись все эти годы, и раздает им пачки денег. Я тогда потерял голову, в бешенстве толкнул Му Байчуна, избил его, а потом сбежал и поселился в квартире, которую отец когда-то купил моей маме. В той самой, где мы сейчас и живем.

Наверное, Му Байчунь просто испугался, что я нажалуюсь отцу, поэтому стерпел и никому не сказал, что я его избил. А потом... ну, дальше ты сам знаешь. Ты пришел в школу учителем, а я влюбился в тебя с первого взгляда.

Шуай Чан смахнул слезы с его лица и оставил легкий поцелуй на его веках:

— Прошное я изменить не в силах, но в будущем я буду защищать тебя. Ты же сам сказал — у тебя есть я.

— Угу! — кивнул Му Чэнгуан, стыдливо заливаясь румянцем.

В ноябре месяцы упорного труда Му Чэнгуана не пропали даром: его отдел заключил крупную сделку, принесшую компании несколько миллионов прибыли. Узнав об этом, Му Фэн лично позвонил сыну, чтобы похвалить его, и специальным распоряжением разрешил Му Чэнгуану выйти на работу в головной офис сразу после Нового года.

В ноябре же у Му Чэнгуана был день рождения, и за несколько дней до этого Шуай Чан отправился в торговый центр выбирать ему подарок.

<http://bllate.org/book/22165/2308989>